

Александръ Петровичъ СУМАРΟКОВЪ.

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

Сборникъ историко-литературныхъ статей.

СОСТАВИЛЪ

В. Покровскій.

Цена 30 коп.

МОСКВА.

Складъ въ книжномъ магазинѣ В. СПИРИДОНОВА и А. МИХАЙЛОВА.

Тверская площадь, Столешниковъ пер., д. Ляновска.

1905.

Slav-4243.1.804

Дозволено цензурою. Москва, 4 июня 1905 г.

Типография Г. Лиснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лиснера.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стран.</i>
Духъ времени, когда родился и воспитывался Сумароковъ, <i>Стоюнина</i> .	1
Сумароковъ — сынъ своего вѣка, <i>Заусцинскаго</i>	10
Очеркъ жизни и литературной дѣятельности Сумарокова, <i>Хмирова</i> . .	15
Сумароковъ, „сѣверный“ Расинъ, <i>Булича</i>	32
Первая трагедія Сумарокова въ отношеніи ея къ современности, <i>Стоюнина</i>	43
Идеалы Сумарокова, проводимые въ трагедіи и общественное ихъ значеніе, <i>его же</i>	47
Общій характеръ сатиры Сумарокова, <i>Булича</i>	54
Сатира Сумарокова, <i>Иващенко</i>	59
Притчи Сумарокова, <i>Заусцинскаго</i>	76
Притчи Сумарокова въ оцѣнкѣ современниковъ и причина ихъ популярности, <i>его же</i>	118

Духъ времени, когда родился и воспитывался Сумароковъ.

Чтобы оцѣнить дѣятельность и значеніе писателя, необходимо опредѣлить тотъ вѣкъ, когда онъ жилъ, ту среду, гдѣ онъ трудился, тѣ насущныя общественныя потребности, которыя вызывали его дѣятельность. Безъ всего этого, сколько бы мы ни говорили о сочиненіяхъ, о характерѣ, о личности писателя, онъ все-таки будетъ для насъ лицомъ болѣе отвлеченнымъ, не отпечатлѣется въ нашемъ воображеніи рѣзкими, отличительными чертами своей фizioноміи и не останется жить тамъ, какъ лицо живое. На каждого чело-вѣка вѣетъ духъ его времени; имъ наполнена та атмосфера, которою онъ дышитъ, и устранить себя отъ его вліянія онъ не можетъ такъ же, какъ не можетъ отказаться отъ дыханія. Духъ времени дѣлается частью его души, даетъ направленіе его врожденнымъ способностямъ, образовываетъ его черты, вырабатываетъ его личность, словомъ, дѣйствуетъ на него такъ, какъ климатъ на растеніе. Духъ времени, когда родился и воспитывался Сумароковъ, былъ еще духъ Петра Великаго. Преобразованія совершалось быстро и прочно: мысль Петра ложилась въ основаніе русской общественности, которая, повидимому, стала терять свой народный характеръ. Русская народность въ своихъ прежнихъ формахъ притаилась въ низшемъ классѣ народа, осужденная за свою исключительность, заклеенная словомъ „невѣжество“. Отъ нея какъ бы совершенно оторвалась передовая, правительственная часть народа, принявъ европейскую наружность въ формахъ всѣхъ европейскихъ народностей. Это-то европейское должно было у насъ выражать общечеловѣческое, котораго не-доставаало нашей народности, но не доставаало не искони, а съ того времени, какъ она благодаря татарамъ, перестала обновляться новою, живою мыслию. Въ долгой борьбѣ съ татарами и католиками, защищая свое православіе, народъ

привыкъ смотрѣть на это дѣло какъ на дѣло народное, что было и справедливо; но съ этимъ вмѣстѣ онъ сталъ считать все народное, русское православнымъ, и все неправославное и нерусское еретическимъ. Черезъ это самое всѣ недостатки, которыхъ не могла оправдать разумность, всѣ случайности народной жизни, всѣ старыя формы, которыя съ народнымъ развитіемъ обыкновенно измѣняются и обновляются, — все получило видъ чего-то неприкосновеннаго, священнаго. Конечно, православіе чуждо этой закоснѣлости: оно никогда не стѣсняло народнаго развитія; но вслѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ народъ выжилъ себѣ такой взглядъ на свою народность, что дальнѣйшее самобытное ея развитіе стало невозможно: она не успѣла выработать себѣ сознаніе идеи государственнаго и общественнаго образованія, идеи общечеловѣческаго, которое оживляетъ и одушевляетъ народность и даетъ ей крѣпкія силы для развитія; и вотъ она должна была потерять всякое стремленіе впередъ и, вращаясь въ своихъ исключительныхъ формахъ, еще не оправданныхъ разумностью, должна бѣ была подъ конецъ дойти до китаизма. Этимъ не хочу сказать, что въ ней не было ничего хорошаго, что только варварство и невѣжество были отличительными ея чертами; напротивъ, основныя ея начала были прекрасны и произвели много прекраснаго, и если бы не несчастное XIII и слѣдующія столѣтія, изъ нихъ само-собою вырабатывалось бы сознаніе идеи общечеловѣческаго. Но такъ не случилось: въ тѣ тяжелыя вѣка народныя силы незамѣтно были опутаны ложными и исключительными взглядами, многими наростами, которые лишали ихъ средства очиститься разумнымъ образованіемъ. Для этого-то очищенія и необходимо было внести уже извнѣ идеи общечеловѣческаго, которыя выработали себѣ другіе народы при лучшихъ условіяхъ. Но эти идеи живутъ и развиваются неотвлеченно, а въ определенныхъ формахъ; ихъ-то и стала переносить мощная рука Петра Великаго на новую землю, иначе Петръ не могъ и сдѣлать; но онъ не увлекался одною чьей-нибудь народностью, а бралъ у всѣхъ, даже у своихъ враговъ то, что, по его мнѣнію, было разумно — этимъ-то онъ и упрочилъ свое дѣло, показавъ, что дѣйствовалъ не по одному увлеченію, а вполне сознательно. Во всемъ этомъ былъ не произволъ одного чело-

вѣка; нѣтъ, мы находимъ тутъ существенную необходимость на которую указываетъ и предыдущее и послѣдующее время. Ее предугадывали еще прежде Петра нѣкоторые правительственные лица и почти цѣлое столѣтіе готовили Россію къ великому перевороту. Наконецъ, онъ совершился съ большими усиліями. Впереди стало сознано — разумное европейское; съ нимъ перешли и нѣкоторыя мелочи, случайности, не составляющія существенной необходимости для разумной жизни и можетъ быть даже служили Петру пособіемъ для его дѣла. Не станемъ на этомъ останавливаться и пойдемъ далѣе. Русская народность, уединившись въ низшемъ сословіи народа, осталась неподвижною въ своихъ старыхъ формахъ. Мысль же Петра Великаго была вполне сознана въ слѣдующихъ поколѣніяхъ черезъ науку, которая явилась слѣдствіемъ преобразованія, какъ потребность новой жизни. Новые люди со своимъ благимъ сознаніемъ сдѣлались передовыми людьми въ общественной жизни, и съ каждымъ поколѣніемъ число ихъ значительно увеличивалось. Они-то, первые постигнувъ идею общечеловѣческаго, первые стали постигать и достоинство народности, безъ которой, какъ бы предугадывали, не плодотворно самое общечеловѣческое; безъ нея оно является отвлеченно и не переходитъ въ дѣло народное. И вотъ настало время постепенно сближать эти два начала, сперва такъ враждебно ставшія одинъ противъ другого. Въ этомъ-то сближеніи русская народность стала разумно оправдываться въ своихъ прекрасныхъ коренныхъ началахъ и очищаться судомъ мысли общечеловѣческой отъ всего, что противорѣчитъ разумности. Въ началѣ униженная и обезславленная, она, наконецъ, сдѣлалась предметомъ изученія и науки и получила полное гражданство въ нашей разумной жизни. Конечно, на все это нужно было много времени, и дѣйствительно, хотя прошло болѣе столѣтія, но мы еще не можемъ сказать, что дѣло кончено. Настало теперь время опереться намъ на свою крѣпкую народность, одушевленную общечеловѣческимъ началомъ, и провѣрить все, что въ это время мы заняли у Европы, всѣ ея идеи, которыя принимали съ увлеченіемъ, провѣрить со своей точки зрѣнія, и посмотреть, что принять и чего не принять изъ нихъ въ основаніе нашего дальнѣйшаго самостоятельнаго народнаго развитія. Надо признаться: трудъ весьма

не легкой и много времени на него потребуется; но зато тогда мы вполне опредѣлимъ себя, выработаемъ себѣ направление и въ формахъ своей народности будемъ служить не однимъ себѣ, а всему человѣчеству. Весь этотъ путь нашего образованія намъ необходимо было обозначить, чтобы яснѣе опредѣлить дѣятельность одного изъ нашихъ писателей, которые всегда были тамъ передовыми людьми.

Естественно, мысль Петра Великаго не могла также зрѣло отразиться въ большинствѣ людей, которыхъ коснулось преобразование и которыхъ мы будемъ разумѣть подъ именемъ общества; только очень немногіе сумѣли понять эту мысль, какъ слѣдуетъ, провидѣть въ ней благодѣтельные слѣдствія и поддержать ее послѣ смерти преобразователя, чтобы передать своимъ дѣтямъ. Большинство же, принужденное воспитывать новое поколѣніе въ европейскихъ формахъ, не было убѣждено въ добрыхъ плодахъ этого воспитанія, и потому само не сумѣло прояснить своимъ юношамъ зрѣлой мысли Петра, что очень естественно: формы, въ которыхъ выразилась эта мысль, слишкомъ противорѣчили старой русской жизни, многимъ старымъ понятіямъ и взглядамъ. Винить такихъ людей нельзя, какъ нельзя требовать гениальности отъ всѣхъ людей. Это было необходимое историческое явленіе. Оно произвело и другое, столь же неизбежное. Новое поколѣніе должно было увлечься внѣшнимъ блескомъ европейской жизни и не въ силахъ было выразумѣть ея разумнаго содержанія, которое осталось ему совершенно чуждо. И вотъ оно съ какимъ-то увлеченіемъ погналось за одной внѣшностью до того, что стало презрительно смотрѣть на все, что не носило этого лоску, что не было облечено въ тѣ формы: оно даже стало забывать свой языкъ, промѣнявъ его на чужой, который, наконецъ, сдѣлался ему какъ бы роднымъ языкомъ. Явленіе странное съ перваго взгляда: отцы недоувѣрчиво смотрѣли на все иностранное, и чуть не со слезами разставались со своими бородами и русскими кафтанами; дѣти сдѣлались почти иностранцами и съ пренебреженіемъ смотрѣли на все русское. Такъ одна крайность рождаетъ другую — самое обыкновенное историческое явленіе, которое часто повторяется въ исторіи человѣчества. Такимъ образомъ, связь этого вновь образованнаго поколѣнія со старымъ русскимъ бытомъ совершенно

нарушалась, то она не могла и не нарушиться, когда значеніе въ обществѣ получалъ только человѣкъ, преобразованный своею внѣшностью. Разумѣется, съ внѣшнимъ лоскомъ и блескомъ европейской жизни всего скорѣе перешли въ общество, внезапно сдѣлавшееся по наружности европейскимъ, и всѣ недостатки и пороки той жизни и наполнили пустоту, какая должна была явиться за отсутствіемъ европейскаго содержанія. Съ другой стороны, та часть общества, которая еще не успѣла просвѣтиться европейскимъ блескомъ, ограниченная въ своихъ средствахъ, принявъ по служебной необходимости нѣкоторыя новыя формы, придерживалась въ частной жизни еще старыхъ и не рѣшалась вдругъ оторваться отъ нихъ, потому что воспиталась еще по старымъ преданіямъ и строго чтитъ всѣ завѣты отцовъ. Но и эта жизнь не представляетъ разумнаго содержанія: въ ней убѣжденія были основаны на предразсудкахъ, на ограниченныхъ даже враждебныхъ взглядахъ на просвѣщеніе. Сюда перешли и старые пороки, какъ общественные такъ и семейные, связанные съ невѣжественнымъ состояніемъ. Лихоимство, взяточничество, ябеда, соединенныя съ безграмотностью, проторили себѣ тропинки и въ новыхъ формахъ, хотя и были лишены всякой законности; барская спесь продолжала вичиться и не хотѣли уступить мѣсто труду и наукѣ, которымъ Петръ Великій открылъ дорогу къ почестямъ. Интересы личные еще слишкомъ выдвигались впередъ передъ интересами общественными и не хотѣли имъ подчиняться. Преобразование послужило во вредъ личнымъ интересамъ многихъ, и вотъ они ставятъ себя во враждебное положеніе къ новизнѣ. Такимъ образомъ, въ обществѣ являются тѣ разнообразныя типы, которые такъ ярко представлены въ сатирахъ Кантемира и которые такъ возмущали его. Не даромъ же лучшіе русскіе люди, какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ и ему подобные, съ такимъ дружелюбнымъ привѣтствіемъ встрѣтили труды нашего перваго сатирика. Но этихъ лучшихъ людей, проникнутыхъ мыслию Петра, было не много. Что же имъ оставалось дѣлать, какія представить средства, чтобы дать обществу разумное направленіе? Конечно доброе, тщательное воспитаніе лучше всего можетъ приготовить обществу благородно-мыслящихъ и дѣятельныхъ членовъ. Но для того времени употребить это средство было не такъ легко, какъ кажется

съ перваго взгляда въ наше время. Правильное воспитаніе должно имѣть свои основы, разумно сознанныя, которыя вырабатываются исторически послѣ многихъ и долгихъ опытовъ, что намъ доказала наша собственная жизнь въ эти два послѣднія столѣтія. Иноземное воспитаніе дѣлало изъ насъ не русскихъ, а иностранцевъ, по бѣльшей части, пустыхъ и вѣтренныхъ, слѣдственно безполезныхъ, иногда даже и вредныхъ; другого же воспитанія мы не могли принять, потому что не знали на чемъ основать его. Опредѣлить кругъ наукъ, какими долженъ заниматься юноша, еще слишкомъ мало для истиннаго и благотворнаго воспитанія. Къ тому должно присоединить много другихъ важныхъ условій, чтобы образовать челоуѣка, гражданина, дѣятельнаго и добросовѣстнаго слугу отечества. Такимъ образомъ въ то время нужно было еще только прояснять идею воспитанія, для чего необходимы были опытные русскіе наставники; а ихъ не было ни одного. Выписные иностранцы, даже и хорошіе, тутъ могли помочь очень немного. Если уже во время позднѣйшее, при всемъ стараніи правительства, долго не могло у насъ установиться основательное и вѣрное воспитаніе, если даже въ наше время у родителей, непонимающихъ истиннаго воспитанія, дѣти часто выходятъ пустыми и жалкими существами, хотя ихъ и учатъ всему тому, чему и прочихъ; то что же могло быть въ то время. Только немногіе, одаренные свѣтлымъ умомъ и твердымъ характеромъ, сами воспитали себя, найдя опору въ собственныхъ размышленіяхъ, но уже въ такіа лѣта, когда другіе давно перестали учиться. Въ то время даже самая наука еще не получила полнаго права гражданства въ сознаніи большинства, хотя на нее и падалъ главный трудъ прояснять идеи, очищать понятія, устранять ложныя взгляды. Эту важность науки прекрасно выразумѣлъ Петръ Великій; она и должна была въ то время начать трудъ свой, но трудъ серіозный, медленный, который и не могъ имѣть сильнаго, видимаго и быстраго вліянія на большинство тогдашняго общества. Несмотря на все это, мысль Петра отразилась въ геніальной душѣ Ломоносова, какъ дѣятеля науки. Онъ понималъ лучше всѣхъ, что все благосостояніе Россіи, вся ея слава, честь и счастье зависятъ единственно отъ науки, безъ которой у нея не можетъ быть будущности; въ этомъ онъ былъ убѣжденъ до того, что вдохновился своимъ

убѣжденіемъ, что сталъ поэтомъ науки, и дѣйствительно положилъ ей прочное основаніе. Его нельзя разсматривать какъ поэта и какъ ученаго порознь, что дѣлають многіе, нѣтъ, онъ вездѣ является вмѣстѣ и поэтъ и ученый, вездѣ проникнутый одною и тою же мыслию. И зато какой глубокой и вдохновенный взглядъ у него на науку, сколько высокой поэзіи въ этомъ взглядѣ! Всю свою дѣятельную жизнь онъ боролся для науки и за науку, страдалъ и трудился, но не какъ простой труженикъ, а какъ вдохновенный художникъ, создавшій себѣ планъ великолѣпнаго зданія и стремившійся положить ему хотя основаніе. И дѣйствительно, это основаніе было положено въ университетѣ, учрежденномъ по его мысли и соображеніямъ: здѣсь онъ нашелъ пріютъ наукѣ, источникъ образованію. Ломоносовъ хорошо понималъ, какъ сильно и важно живое слово въ дѣлѣ общественнаго развитія, въ дѣлѣ науки, и вотъ его грамматика и реторика явились на помощь всѣмъ, кто хотѣлъ дѣйствовать этимъ словомъ съ нимъ вмѣстѣ. Но по самому характеру своихъ занятій, по важности своихъ трудовъ онъ не могъ быть близкимъ посредникомъ между современнымъ обществомъ и образованіемъ, несмотря на всю свою геніальность. Занятый своими высокими идеями, и стремясь осуществить ихъ, онъ не могъ въ то же время спускаться къ толпѣ и направлять ее на путь истинный. Онъ творилъ прочно и зналъ, что плоды его трудовъ принесутъ всѣмъ пользу и благодареніе; но они не вдругъ могли вырасти и созрѣть — онъ творилъ болѣе для потомства, чѣмъ для современности. Труды его требовали уединенной жизни, вдали отъ шума толпы и отъ всѣхъ ея ухищреній, слѣдственно, посредничество тутъ было невозможно. А между тѣмъ и на толпу, т.-е. на большинство членовъ общества необходимо было дѣйствовать живымъ словомъ, какъ единственнымъ средствомъ, которое сколько-нибудь могло замѣнить правильное воспитаніе и указать разумное направленіе; нужно было привести въ ея собственное сознаніе ея пороки и недостатки, чтобы хоть сколько-нибудь предохранить отъ нихъ слѣдующее поколѣніе. Необходимая потребность этого времени была прояснять въ обществѣ идею истиннаго образованія, оправдывать мысль и цѣли Петра. Тутъ нуженъ былъ уже другой посредникъ. Вотъ онъ-то и явится въ лицѣ Сумарокова.

Не легко было вступить на это поприще: оно было у нас совершенно ново. Только немногіе знали изъ европейской жизни, что есть поприще писателя, литератора, что оно почтенно, и готовы были съ радостью дать въ своей средѣ законное мѣсто новымъ дѣятелямъ; большинство же еще не понимало званія писателя. До сихъ поръ у насъ дѣйствовали словомъ только служители церкви, и ихъ, дѣйствительно, уважали; но въ народномъ мнѣніи они были проповѣдниками, а не писателями; званіе писателя у нихъ скрывалось въ званіи лица духовнаго; они были посредниками между массою народа и вѣрою. Естественнo, что свѣтскій писатель не могъ принять такой же характеръ и явиться передъ обществомъ съ такимъ же значеніемъ: другія стороны жизни, на которыя онъ долженъ былъ дѣйствовать, не давали ему права въ общественномъ мнѣніи стать на ряду съ духовными лицами, хотя слово его было слово человѣка-христіанина, хотя взглядъ былъ христіанскій, стремленіе и цѣли — очистить и облагородить жизнь по идеалу человѣка, созданному тою же святою вѣрою. Конечно, у насъ и прежде ходили рукописи съ содержаніемъ мірскимъ или свѣтскимъ, и многія изъ нихъ любили читать наши предки, и даже охотно переписывали. Но эти сочиненія, удовлетворяя любознательности, не имѣли близкаго и прамого отношенія къ современной жизни; въ нихъ не выказывалась личность писателя; подъ ними даже не было подписано его имени, и каждый, читая ихъ, не думалъ справляться, кѣмъ и когда онѣ написаны: онъ доволенъ былъ тѣмъ, что прочитанныя страницы дали пищу его воображенію или удовлетворили его любознательности. За книги же духовныя онъ принимался съ душеспасительной цѣлію. Здѣсь святость содержанія заслоняли личность писателя. Совѣтъ въ другомъ положеніи и освѣщеніи долженъ былъ явиться свѣтскій писатель. Дѣйствуя словомъ, устремляя его къ своей современности, онъ ничѣмъ не могъ прикрыть свою личность. Не облеченный никакою видимою властью, ни духовною, ни гражданскою, онъ предъавлялъ новое званіе лишь только возвышалъ голосъ посреди своихъ гражданъ. А не легко было добиться — пріобрѣсти этому званію право гражданства тамъ, гдѣ значеніе распредѣлялось по степенямъ службы и родословія. Правда, Петръ Великій открылъ широкое по-

прище труду и безкорыстной службѣ отечеству; но въ сознаніи большинства, даже людей правительственныхъ послѣ Петра, трудъ мысли не входилъ въ число трудовъ, живое слово истины и изящнаго не считалось за службу отечеству. Такимъ образомъ въ этомъ обществѣ писатель долженъ былъ завоевать право гражданства своему званію — трудъ не легкій, требовавшій борьбы и многихъ усилій. Не вдругъ могли согласиться дать новому званію законное мѣсто, если оно не предъявляло своихъ родословныхъ и чиновныхъ правъ, или капиталовъ, которые можно переложить на рубли; не вдругъ могли понять достоинство этого званія, если его нельзя было вмѣстить въ общую іерархію чиновъ и званій, если оно должно было стать отдѣльно и независимо отъ всѣхъ прочихъ, если, наконецъ, имѣло притязаніе дѣйствовать на всѣхъ мыслию и словомъ, и слѣдственно требовало себѣ высшаго мѣста. Такимъ образомъ борьба должна была начаться непременно. Тредьяковский съ перваго шага сдѣлался ея жалкою жертвою. Онъ не могъ даже продолжать борьбы, потому что противопоставлена ему была матеріальная сила, которая унизила и обезславила его. Съ блестящими надеждами, съ большими свѣдѣніями возвратился онъ изъ Парижа въ свое отечество: онъ думалъ трудиться на поприщѣ писателя и ученаго. Но ему не пришла мысль сообразить, что Россія была не Франція, гдѣ за каждый удачный стихокъ растворялись автору двери лучшихъ гостинныхъ, гдѣ поприще писателя было въ почетѣ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ французскимъ понятіемъ о писателѣ, и думалъ торжествовать, сдѣлавшимъ придворнымъ стихотворцемъ, но страшно ошибся, не понявъ своего положенія. Въ Россіи писателю пока не было законнаго мѣста, а стихотворецъ нуженъ былъ только для фейерверковъ и праздниковъ, и вотъ онъ явился не въ боярскихъ гостинныхъ, а въ переднихъ съ раззолоченной челядью. Кому неизвѣстно, какъ онъ въ званіи писателя пострадалъ отъ свирѣпаго Волинскаго. У него не нашлось даже покровителя, который вступился бы за него. Правда, въ послѣдствіи, когда нужно было осудить Волинскаго, въ число преступленій былъ внесенъ его поступокъ съ Тредьяковскимъ, но обвиняли не за то, что онъ безжалостно билъ бѣднаго стихотворца, а за то, что осмѣлился его бить въ покояхъ герцога Бирона.

Фактъ этотъ ясно выказываетъ тогдашнее положеніе писателя. Здѣсь не мѣсто разгадывать, могъ ли Тредьяковскій имѣть большее значеніе при обстоятельствахъ болѣе благопріятныхъ; но кто можетъ утверждать, что такіа стычки не убили въ немъ бодрости духа и энергіи въ трудѣ, необходимыхъ для писателя. Ломоносова самый образъ занятій удалялъ отъ общества; онъ хлопоталъ только о наукѣ, нисколько не думая выставить себя какъ литератора; къ тому же у него былъ сильный образованный покровитель; но и тутъ ему случалось чувствовать лично, что званіе писателя еще не было признано въ обществѣ и стоитъ на ряду съ званіями заштатными — комедіантовъ, шутовъ, людей созданныхъ на потѣху рода человѣческаго. Все это показываетъ, сколько столкновеній долженъ былъ встрѣтить тотъ писатель, который сознавая свое назначеніе и не стѣсняясь ничѣмъ, первый сталъ разъяснять обществу идею истиннаго образованія, первый явился явнымъ врагомъ всѣхъ общественныхъ недостатковъ и пороковъ, первый сталъ открыто говорить о почетномъ званіи писателя и требовать себѣ, какъ писателю, уваженія. Такой трудъ выпалъ на долю Сумаркова, онъ дѣйствительно долженъ былъ завоевывать писателю право гражданства, и если мы не можемъ сказать, что онъ сошелъ съ поля битвы совершеннымъ побѣдителемъ, то, по крайней мѣрѣ, должны признать въ немъ много силъ, которыя не были истрачены даромъ.

Стоюнинъ.

Сумароковъ — сынъ своего вѣка.

Гдѣ я ни буду жить, въ Москвѣ, въ лѣсу,
или въ полѣ,
Богатъ или убогъ, терпѣть не буду болѣ
Безъ обличенія презрительныхъ вещей...
Соч. Сумар. VII т. 354 стран.

Сильное литературное движеніе, возникшее въ Россіи, какъ непосредственный результатъ реформъ Петра Великаго, въ концѣ первой половины XVIII вѣка, выразилось, преимущественно, въ двухъ формахъ — лирической и сатирической. Какъ та, такъ и другая форма тогдашнихъ литературныхъ произведеній, какъ и слѣдовало ожидать, подверглись прямому вліянію господствовавшего тогда въ западной Европѣ

ложноклассическаго направленія и вслѣдствіе этого получили всѣ отличительные признаки послѣдняго. Но болѣе всего пострадала, благодаря вліянію ложноклассицизма, русская лирика. Изъ области непосредственнаго поэтическаго чувства она перешла въ область искусственности, сочиненности и, лишившись главной своей основы, — правдоподобнаго изображенія жизни, потеряла значеніе поэтическаго литературнаго произведенія. Сатира же, уже по существу своему долженствовавшая стоять въ тѣсной связи съ жизнью, подчинилась вліянію ложно классицизма только съ внѣшней, формальной стороны и потому несравненно болѣе лирики отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, которыя обыкновенно прилагаются къ литературнымъ произведеніямъ. Этимъ можно объяснить то вліяніе и тотъ необыкновенный успѣхъ, которыми пользовались въ обществѣ русскіе сатирическіе писатели XVIII в., успѣхъ дѣлавшій возможнымъ не только уравненіе въ глазахъ современниковъ значеніе гениальнаго, „всеобъемлющаго“ Ломоносова и талантливаго сатирика Сумарокова, но даже часто предпочтеніе послѣдняго первому.

Главнымъ типическимъ представителемъ русской сатирической литературы прошлаго столѣтія былъ А. П. Сумароковъ. Онъ писалъ во всѣхъ родахъ словесности, прозаическихъ и поэтическихъ, но болѣе всего способствовали громкой его литературной славѣ тѣ сочиненія, въ которыхъ господствовалъ сатирическій элементъ. Только въ такихъ сочиненіяхъ вполнѣ обнаружился его живой непосредственный талантъ, въ другихъ въ большинствѣ случаевъ связанный по рукамъ и ногамъ условными требованіями иностранныхъ образцовъ. Можно даже сказать, что міръ „обличенія презрительныхъ вещей“ былъ вполнѣ родственной ему сферой, прямо истекалъ изъ его души, изъ его характера и жизни. Онъ былъ необходимъ для него, для его натуры, которая вся цѣликомъ вылилась въ этихъ страстныхъ репликахъ противъ безобразій существовавшаго тогда порядка вещей. Этихъ непосредственныхъ требованій его натуры ничто не могло остановить, даже личныя непріятности и бѣды. „Пускай“, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

...злодѣйствуетъ безсмертный мнѣ кашей,
Пускай кашеиха совсѣмъ меня ограбить,
Мое мнѣніе и здравіе ослабить,